

ГЛАВА 1

АВГУСТ 1525 ГОДА

Вороной жеребец по кличке Светоч Хартлейка сразу почувствовал, что на душе у меня неспокойно. Стоило мне начать расчесывать особым гребнем с ежовыми иглами его длинную гриву, как он ткнулся мне в волосы своими мягкими губами и тихонько заржал прямо над ухом, будто хотел что-то сказать. Мне пришлось собрать все силы, чтобы не прижаться к его теплой шее и не заплакать навзрыд.

— Ты ведь все понимаешь... — горестно прошептала я. — Ты ведь чувствуешь, что твоего хозяина больше нет...

Отец мой обожал своего вороного и всегда приказывал седлать его, даже когда выезжал на обычную прогулку. Мой брат Стивен часто упрекал отца за это, твердя, что негоже ездить на таком скакуне, стоившем целое состояние, каждый божий день. Светоч Хартлейка был рожден и воспитан для битв. Благородный облик его полностью соответствовал предназначению: то был вороной жеребец прекрасных статей без единого пятнышка, кроме белой звезды во лбу, за которую он и получил свое имя, с широкой грудью, длинной лебединой шеей, маленькими чуткими ушами и огромными черными глазами.

Отец лишь посмеивался над словами Стивена и, в свою очередь, спрашивал сына: «Какой прок обладать таким дивным скакуном, если отказывать себе в удовольствии ездить на нем?»

Теперь они оба покинули нас — и отец, и Стивен, — и с каждым днем моя скорбь по ушедшим только росла.

Отца моего звали сэра Артур Лодж, и я все еще не могла до конца поверить в то, что его больше нет с нами. Отец всегда был силен и крепок, но три месяца назад его внезапно свалила лихорадка. К его одру призвали лучших врачей из Бристоль¹ и Гластонбери, но это не помогло, и через две недели отец умер в мучениях.

Мой старший брат Стивен унаследовал все, кроме одной трети имущества семьи, составившей так называемую вдовью долю и отошедшую моей мачехе Бланш, а также моего приданого в четыреста марок. Мы трое вместе оплакивали отца, и Стивен пообещал Бланш не менять заведенного уклада. А значит, ей не было нужды переезжать в дом, предназначенный по завещанию для вдовы, коль скоро она того не желала. Мне же предстояло вести хозяйство Стивена. Такой порядок казался нам всем правильным и справедливым.

Когда отец умер, мне было только тринадцать и я еще не была ни с кем помолвлена. Таким образом, устройство моего будущего стало обязанностью Стивена. Он заявил, что не будет торопиться искать мне мужа, как, впрочем, не спешит и себя связать узами брака. Стивен был старше меня на десять лет и унаследовал от отца жажду жизни и умение наслаждаться ею. Очень скоро он вернулся к своим прежним развлечениям, среди которых первое место занимала охота. Здесь, на охоте, и подстерегла его коварная смерть спустя всего несколько недель после кончины отца. Несчастный случай, и некого винить! Внезапно и против своей воли я оказалась

¹ Местоположение крупных городов и поселений в описываемую эпоху см. на карте Англии на с. 11.

единственной наследницей состояния, накопленного тремя поколениями семьи Лоджей.

Горестно вздохнув, я продолжила вычесывать гриву Светоча, находя успокоение в ровных, ритмичных движениях своих рук. Вообще-то, негоже было мне — богатой наследнице — заниматься простой работой на конюшне, но мне всегда нравилось находиться подле лошадей. Здесь я чувствовала себя как дома, и эти благородные животные были моими друзьями, сколько я себя помнила. Отец научил меня ездить верхом, едва я начала ходить. Мы с ним очень любили наши совместные прогулки верхом и отправлялись на них при любой возможности. Иногда мы навещали наших арендаторов, а иногда исследовали уголья, прилегающие к нашим землям. Я знала обветренные склоны гряды холмов Мендип-Хиллз к северу от Гластонбери почти так же хорошо, как и обитателей коттеджей у ее подножия.

Такие противоположные пристрастия, как любовь к домашнему очагу и уюту, с одной стороны, и жажда новых приключений — с другой, были у меня в крови. Мои дед и прадед считались одними из самых рискованных и удачливых бристольских купцов. Когда дед был молод, он предпринял путешествие в Новый Свет через всю Атлантику и вернулся с захваченными в плен дикарями. Свои экзотические живые трофеи он презентовал королю. Отец прервал семейную купеческую традицию и первым из Лоджей вложил деньги в землю. Он купил поместья в Сомерсетшире и Глостершире, а также дом в Гластонбери. Все эти имения вместе с их движимым имуществом стали теперь моими. Но я бы с радостью отдала все, что волею судьбы оказалось в моих руках — и даже Светоча Хартлейка, — чтобы вернуть к жизни отца и брата.

При звуке шагов по деревянному настилу конюшни я обернулась. «Должно быть, кто-то из конюхов...» — подумала я с некоторым удивлением, ибо ранее отпустила работников, и сейчас

они уже, скорее всего, резались в карты или кости в своей комнате над конюшней.

Но вместо Питера или Барнаби ко мне опасно приближалась моя мачеха Бланш. Никогда раньше я не видела ее такой растерянной и неуверенной в себе. Я тотчас отложила в сторону гребень и пук соломы, которым обтирала бока коня, и отвела вороного в его стойло. Моя мачеха побаивалась лошадей. Она родилась и выросла в городе, и так и не научилась ездить верхом. Бланш сморщила нос, учуяв запах конского навоза. Меня этот запах совершенно не беспокоил, но я взяла ее под руку и вывела наружу на мощный двор.

Здесь, при ярком свете солнца, я поняла, что заставило мою мачеху преодолеть свои страхи и отправиться искать меня на конюшню. Ее полная белая ручка судорожно сжимала какое-то послание, да так сильно, что печать на нем была сломана.

Отец время от времени получал письма, но я ума не могла приложить, кто бы стал писать его вдове. Она не состояла в переписке со своими друзьями, поскольку ее, как и большинство женщин, никогда не учили ни читать, ни писать.

— От кого письмо? — спросила я, пока мы шли через двор к дому.

— Ах, Тэмсин, откуда ж мне знать? Посыльный из Гластонбери сказал лишь, что это послание пришло в наш городской дом, а более ему ничего не ведомо.

Бланш торопливо сунула мне письмо и тут же убрала руки за спину, словно боялась, что я верну его обратно.

Сгорая от любопытства, я первым делом взглянула на сломанную печать. Но никакого оттиска, позволившего бы узнать отправителя, на красном воске не просматривалось.

Будь я сочинительницей романов, то наверняка в этом месте своего повествования написала бы, что при виде сего послания меня одолели дурные предчувствия. Но на самом деле тогда я испытывала лишь любопытство: стоял прекрасный теплый летний день, нежный ветерок приносил аромат свежее-

скошенного сена с полей и ласково трепал мои длинные каштановые волосы, удерживаемые лишь легкой сеткой, и когда я принялась за чтение, то никакой тревоги в преддверии будущих бед не почувствовала.

— Письмо от некоего сэра Лайонела Даггета, — промолвила я.

Я всегда гордилась тем, что умею читать. Меня обучили грамоте монахини из обители Минчин-Бэрроу¹. Одно из наших поместий располагалось рядом с этим монастырем, и больше года я каждый день ходила туда на уроки к сестре Мод и сестре Беренгарии. Святые сестры приходились мне родными тетками.

— Никогда не слышала об этом человеке, — заявила Бланш.

Не желая входить в дом, где наш разговор могли подслушать слуги, она опустилась на каменную скамью у двери. Тщательно расправив каждую складку своей пышной черной юбки, она похлопала по сиденью рядом с собой, приглашая меня присоединиться.

Я проигнорировала ее жест, ибо увидела свое имя — «мисс Томасина Лодж», — едва распечатав письмо от таинственного сэра Лайонела. Стоило мне начать читать, как лоб мой помимо воли нахмурился, а дыхание перехватило. Перед глазами возникли и закружились странные, пугающие слова — я заморгала, но они никуда не делись и остались на месте — начертанные на слегка помятом листе.

— Не понимаю... — пробормотала я, наконец-то опускаясь на скамью подле мачехи в ответ на ее приглашающий жест. — Сэр Лайонел пишет, что я теперь нахожусь под его попечением. И что он скоро приедет в Гластонбери, дабы исполнять обязанности моего опекуна.

¹ Минчин-Бэрроу (второе название Бэрроу-Герни) — бенедиктинский монастырь в Сомерсетшире, основанный в самом начале XIII века.